

Юлиан Семенович Семенов
НЕЖНОСТЬ

ebooks@prospekt.org

Нежность

«Господи, зачем же она так несется?! Булыжник-то старый, положен плохо, нога подвернется», – испуганно думал Исаев, глядя на Сашеньку, которая бежала вдоль перрона Казанского вокзала. Он даже зажмурился, потому что представил себе, как она упадет, и это будет ужасно – нет ничего более оскорбительного, когда на улице падает красивая молодая женщина.

«Не надо бы ей так бежать, – снова подумал он, – все равно ведь я дома».

Так же испуганно бежала Роза по темной кантонской улице, а за нею гнались двое, а потом один из них бросил бутылку и угодил ей в шею, и она упала на асфальт, и Максим Максимович почувствовал, как у нее захладела кожа на ладонях, – сначала кожа холодеет, потом немеет, а после, когда прихлынет кровь, рукам делается нестерпимо жарко.

– Сейчас! – крикнул Исаев Сашеньке. – Погоди ты, стой! Не беги так! Ты стой, Сашенька!

*

– Вам нужна девка. Хорошая девка. Вы каких любите? Худых или рубенсовских?

– Я в психотерапию не играю, доктор. Я не болен. Я все время хочу спать, но когда ложусь – сна не получается, устал. И девки не помогают.

– Убеждены?

– Убежден.

– Значит, не нашли пару. Вас что-то в них раздражало. Девка обязана быть гармоничной – тогда вы устанете: от гармонии устают больше всего... Понаблюдайте за собой в музее: после третьего зала вам нестерпимо хочется спать, но чтобы не казаться нуворишем, вы пялите глаза на картины и подолгу читаете имена художников на металлических дощечках, чтобы хоть как-то спастись от зевоты. Разве нет?

– Я живопись люблю...

– Это как же вас понять? Вы – исключение? Вы не зеваете в музее?

– Не зеваю.

– Сие анормально. Все люди хотят спать в музеях. А вы еще говорите: «не псих». Все – в той или иной мере – клинические психи, только некоторые умеют притворяться.

«Надо продержаться еще неделю, – подумал

Исаев, – через неделю я сяду на пароход и там сразу же усну, и кончится этот ужас. Только бы он дал мне сейчас что-нибудь посылней – иначе я сорвусь, ей-богу, сорвусь...»

– В английской аптеке мне сказали, что появился «препарат сна» – гарантия от бессонницы.

– Вы еще верите гарантиям? – доктор хохотнул и, приподняв веко левого глаза, перегарно задышал в лицо Исаеву. – Вниз смотрите. На меня. Влево. А теперь направо.

*

...В Москве и пахнет-то иначе, липами пахнет цветущими, – понял Исаев. – Осенью тоже пахнет цветущими липами, если только выйти ранним утром из перелеска, когда поле кажется парчовым пологом, закрывающим небо, и рисовать это надо жестко и однозначно, никак не украшая и не стараясь сделать красивей... Но отчего же на вокзале пахнет липами? Наверное, потому здесь пахнет цветущими липами, что дождь недавно прошел, и перрон черный, скользкий, набухший весенней влагой, – на таком перроне не стыдно упасть; по нему покатишься, как в детстве по декабрьской ледяной горке, и не будет в этом никакой беззащитности, и унижения никакого не будет,

только все же лучше б Сашеньке не падать, и она, видно, поняла это: вон, смотрит на меня; идет все медленнее, и паровоз отфыркивается все медленней, и можно уж прыгать на перрон, хотя нет, не надо торопиться, вернее, торопиться-то надо, но только я слишком хорошо помню рассказ Куприна про инженера, который так торопился к своей семье, что попал под медленные колеса поезда в тот момент, когда остались две последние минуты – самые длинные и ненужные во всей дороге... Ох как же я люблю ее, господи! Только я люблю ее такой, какой она была тогда на пирсе – испуганной, моей, до последней капельки моей, и все в ней было открыто и принадлежало мне; и было понятно мне загодя – когда она опечалится, а когда рассмеется, а теперь прошло пять лет, и она все такая же, а может, совсем другая, потому что я другой, и как же нам будет вместе? Говорят, что расставания – проверка любви. Глупость. Какая, к черту, проверка любви! Это ж не контрразведка – это любовь. Здесь все определяет вера. Если хоть раз попробовать проверить любовь так, как мы научились перепроверять преданность, то случится предательство более страшное, чем случайная ночь с кем-то у нее или шальная баба у меня.

Ну, стой, поезд! Успокойся! Отдышись! Мы ж приехали. Стой.

Доктор разжал пальцы, и только теперь Исаев ощутил боль в веке.

– Препарат сна, – сказал доктор, закуривая длинную «гавану», – делает в Кантоне Израиль Михайлович Рудник. А поскольку наша с вами государственность – и бывшая и нынешняя – во всем цивилизованном мире вызывает хроническое недоверие, – Рудник свое изобретение упаковывает в английские коробочки: их ему здесь, в Шанхае, напечатали, – и берут нарасхват, верят. А самое изумительное, то, что люди Иоффе из генконсульства закупили большую партию «английского» препарата – в Кремле, видимо, тоже кое-кому не спится.

«Здесь бы я заснул, – подумал Исаев. – В кабинете врача, если только у тебя нет рака, ощущаешь спокойствие бессмертия. Иллюзии – самые надежные гаранты человеческого благополучия. Поэтому-то и кинематограф называли иллюзионом. Делай себе фильмы про счастье – так нет же, все про горе снимают, все про страдания».

– Мед любите? – спросил доктор, усаживаясь за стол. – Липовый, белый?

– Дурак не любит, – ответил Исаев. – Только я

прагматик, доктор, я не верю в лечение медом, травой и прогулками. Я верю в пилюли.

– Милостивый государь, настоящий врачеватель подобен портовой шлюхе – поскольку вы мне платите деньги, я готов выполнить любое ваше пожелание. Хотите пилюли? Пожалуйста. Устроим в два мига. Но если спать хотите – мед, прогулки и травы.

– Валериановый корень, пустырник и немного шалфея?

Доктор посмотрел на Исаева поверх очков. Когда он смотрел через очки, глаза его казались очень большими, словно у беременной женщины, и такими же настороженными.

«Медицина будет бессильной до тех пор, пока человечество не изживет в себе ложь, – подумал Исаев. – Я ведь лгу ему. Точнее говоря, я не открываю ему правды. Если бы я сказал ему, что не могу спать, потому что жду возвращения домой, и что там, среди своих, мне не нужно будет никаких лекарств, и что бессонница началась месяц назад, из-за того, что Вальтер сказал о предстоящем отъезде (нельзя говорить человеку о счастье, если не можешь его дать сразу), тогда бы он знал, в чем причина бессонницы».